

Ведьма из Сызрани РЕВИЗИЯ

Ведьма из Сызрани
только привыкла к новой жизни,
а Москва уже прислала ревизора.

Милана Панова

Ведьма из Сызрани. Ревизия

«Автор»

2026

Панова М.

Ведьма из Сызрани. Ревизия / М. Панова — «Автор», 2026

Ведьма из Сызрани только привыкла к новой жизни, а Москва уже прислала ревизора. Прошло четыре месяца. Василиса научилась печь пироги и штопать чужую удачу, а кот Модест и домовый спорят на сметану, когда участковый Егор сделает предложение. И тут на столе появляется конверт с гербом: Центральное собрание ведающих проверяет Сызранский узел «на целесообразность дальнейшего существования». Ревизор Инесса Вольская в белой шубе не ест квашеное, называет бабушкин Гроссбух нарушением Регламента и привозит лысого сфинкса Луи, который тут же влюбляется в сызранскую сметану. Только по ночам ревизор почему-то плачет. А в Москве уже решили: в ночь зимнего солнцестояния узел заберут. Чтобы спасти город, Василисе придётся съездить в плацкарте в Москву, найти Верховную ведьму ста двенадцати лет и вспомнить песню, которую пела бабушка. Вторая книга о ведьме из Сызрани — смешная, тёплая и о том, что не всё на свете можно посчитать.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо с гербом	5
Глава 2. Ревизор	9
Глава 3. Аудит	13
Глава 4. Порча честностью	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Милана Панова

Ведьма из Сызрани. Ревизия

Глава 1. Письмо с гербом

К ноябрю Василиса научилась трём вещам: печь пирог, который не прилипает к потолку, отличать девясил от лопуха с закрытыми глазами и не вздрагивать, когда домовый в шесть утра громко комментирует новости.

— Опять про курс доллара, — ворчал Фрол Евсеич из-за печки. — Сто лет про него говорят. При царе говорили, при Ленине говорили. Хоть бы раз про курс огурца сказали.

— А какой курс у огурца? — спросила Василиса, разливая чай.

— Стабильный, — веско сказал домовый. — Огурец не подведёт.

Жизнь на Верхне-Кирпичной вошла в колею. Утром — сметана для Модеста (двадцать процентов в будни, тридцать по выходным, эту систему кот выторговал после истории с бомбоубежищем). Потом клиенты. Вечером, если повезёт, Егор.

Клиенты шли каждый день, и Василиса уже перестала удивляться, с чем. Зимой у сызранцев оказались свои, сезонные беды.

Тётя Валя из дома семь просила заговорить квашеную капусту, «чтобы хрустела, как у свекрови, а то свекровь тридцать лет хвастается». Василиса заговорила. Капуста захрустела так, что её было слышно с улицы, и свекровь, по слухам, впервые за тридцать лет промолчала.

Мужчина с НПЗ, огромный, бородатый, в спецовке, стеснительно просил сделать так, чтобы тёща не приезжала на Новый год. «Не порчу, не дай бог. Просто чтобы не доехала. Ну, автобус чтоб сломался. Аккуратненько». Василиса долго смотрела на нитки и увидела, что тёща его, в общем, любит, а приезжает потому, что одна и ей страшно. Она не стала ломать автобус. Она сказала мужчине: «Позвоните ей сами. Позовите. Первым». Он ушёл озадаченный. Через неделю принёс ведро солёных груздей и сказал, что тёща разревелась в трубку и теперь собирается приехать на две недели вместо одной. «Но я как-то не против, — сказал он растерянно. — Странное дело».

Студентка из медколледжа пришла за приворотом на однокурсника. Василиса посмотрела на нитки и сказала: «Он и так в тебя влюблён. С сентября. Просто боится». Студентка не поверила и ушла. Вечером того же дня однокурсник подкараулил её у колледжа с букетом. Василиса ничего не делала. Студентка всё равно принесла банку вишнёвого компота и благодарил так горячо, что отказываться было неловко.

— Это нечестно, — сказала Василиса коту. — Я ничего не сделала, а она платит.

— Ты сделала, — возразил Модест, вылизывая лапу. — Ты ей сказала правду. Правда — это тоже работа. Иногда самая тяжёлая.

Гроссбух распух ещё на сорок страниц. Модест растолстел на полкило и отрицал это. Фрол Евсеич начал выходить из-за печки по вечерам — посидеть на лавке, поглядеть в окно, послушать, как Егор рассказывает про работу. Егора он не стеснялся. Говорил: «Мужик основательный. Не мельтешит».

Егор, в свою очередь, перестал делать вид, что домового нет. Он здоровался с ним за руку, приносил ему «Комсомольскую правду» (Фрол Евсеич любил кроссворды) и однажды, к восторгу домового, полчаса обсуждал с ним, как правильно класть печь. Выяснилось, что дед Егора был печником в Троекуровке.

— Внук печника, — сказал потом Фрол Евсеич Василисе с глубоким одобрением. — Это, девка, не участковый. Это судьба.

Модест и Фрол Евсеич продолжали спорить на сметану. Покров прошёл — четырнадцатого октября, — а предложения не было, и Модест проиграл. Он молча отдал домовому пять банок сметаны, но сделал это с таким видом, будто отдавал фамильные драгоценности. Теперь в силе оставалась ставка Фрола Евсеича — «до Нового года» — и Модеста — «до Масленицы».

— Он медленный, — объяснял Модест. — Он тесту даёт отдохнуть. Он и себе даст. Месяца три. Четыре.

— Он печников внук, — возражал домовый. — Печники долго примериваются, а кладут один раз и навсегда. К Новому году положит.

Василиса делала вид, что ничего не слышит. Это было трудно, потому что спорили они в полный голос, при ней, и однажды при Егоре — который, к счастью, слышал только «мяу» и кряхтение из-за печки.

Письмо пришло пятнадцатого ноября, во вторник, в одиннадцать утра.

Не по почте. Не по электронке. Не в чат «Ведающих Поволжья».

Василиса как раз штопала нитку старушке с Затонной — у той третий месяц не ладилось с давлением, и в нитке была какая-то мелкая, противная прореха, будто моль погрызла. Модест спал на печке. Фрол Евсеич смотрел «Модный приговор». На кухне было тихо, тепло и пахло зверобоем.

И вдруг погас свет.

Не просто погас — исчез. Как будто кто-то выключил не лампочку, а само утро. За окном стоял серый ноябрьский день, но в комнате было темно, как ночью. Телевизор замолчал. Старушка охнула.

А потом посреди стола, прямо на клеёнке с подсолнухами, с тихим, вежливым звуком, похожим на «дзынь» микроволновки, появился конверт.

Конверт был плотный, кремовый, дорогой. На нём золотом был вытиснен герб — что-то вроде совы, сидящей на кремлёвской звезде и держащей в когтях связку ключей. Под гербом шла надпись витиеватым шрифтом:

«ЦЕНТРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ВЕДАЮЩИХ. Москва. Департамент региональных узлов».

Свет вернулся. Телевизор снова заговорил голосом Эвелины Хромченко. Старушка с Затонной перекрестилась.

Модест открыл один глаз, посмотрел на конверт — и открыл второй. Шерсть у него на загривке медленно поднялась.

— О, нет, — сказал он. — Только не они.

Василиса закончила с нитью, проводила старушку до калитки, получила обещание принести «баночку аджики, своей, злой», вернулась на кухню и осторожно взяла конверт.

Он был тёплый. И пах чем-то знакомым — офисом. Кондиционером, ксероксом, кофе из автомата и дорогим парфюмом. Так пах опенспейс её бывшего банка в «Москва-Сити». Василисе стало нехорошо.

Внутри был лист плотной бумаги. Текст был напечатан, но подпись — живая, синими чернилами, с тремя завитушками.

«УВЕДОМЛЕНИЕ О ПРОВЕДЕНИИ ПЛАНОВОЙ РЕВИЗИИ

Уважаемая Круглова Василиса Андреевна!

Настоящим уведомляем Вас, что в соответствии с Регламентом Центрального собрания ведающих (ред. от 1976 г., с изм. от 2019 г.) и Планом проверок региональных узлов на текущий период в отношении Сызранского узла (рег. № 0183-СЗР) будет проведена плановая выездная ревизия.

Предмет ревизии: оценка эффективности функционирования узла, соответствие ведения учёта установленным стандартам, анализ целесообразности дальнейшего самостоятельного существования узла в рамках программы оптимизации региональной сети.

Срок проведения: с 20 ноября по 21 декабря.

Ревизор: Вольская Инесса Аркадьевна, начальник отдела оптимизации Департамента региональных узлов.

Просим обеспечить доступ к узлу, учётной документации (гроссбух, журналы, реестры клиентов) и предоставить ревизору условия для проживания.

С уважением,

Директор Департамента региональных узлов

[подпись с тремя завитушками]».

Василиса прочитала два раза. Потом подняла глаза на кота.

— Модест. Что такое «оптимизация региональной сети»?

Кот долго молчал.

— Это когда Москва решает, что ей нужнее, — сказал он наконец. — Последний раз они приезжали в семьдесят шестом. Агафья тогда молодая была, тридцать девять лет. Приехал ревизор. Мужчина. Ведьмак из Ленинграда, при Москве служил. Ходил тут месяц, всё считал, всё записывал. Хотел узел в Куйбышев перенести — в областной центр. «Для удобства управления». Агафья его выдержала. Еле-еле.

— Как?

— Не знаю, — сказал Модест, и это было на него непохоже. — Она меня тогда на месяц к Нине Ивановной матери в Октябрьск отослала. Сказала — чтобы не путался. Когда вернулся, ревизора уже не было. А Агафья полгода болела. — Кот отвернулся. — Она никогда не рассказывала. Я спрашивал. Она говорила: «Показала им Волгу». И всё.

— «Показала им Волгу», — повторила Василиса. — Что это значит?

— Понятия не имею.

За печкой Фрол Евсеич выключил «Модный приговор».

— Я знаю, — сказал он мрачно. — Я тогда тут был. Но Агафья мне слово взяла. Не говорить. Никому. Даже тебе. — Он помолчал. — Сказала: «Если внучке понадобится — сама поймёт. А не поймёт — значит, не время».

— Фрол Евсеич!

— Слово, — твёрдо сказал домовый. — Домовые слово держат. Мы не люди.

В чате «Ведающих Поволжья» в тот вечер творилось что-то невообразимое. Оказалось, письма получила не только Василиса. Уведомления о ревизии пришли в Самару, в Тольятти, в Ульяновск и в Саратов. Но в остальных письмах предметом проверки значились «соответствие ведения учёта» и «санитарное состояние мест силы». Слова «целесообразность дальнейшего самостоятельного существования» стояли только в письме для Сызрани.

«Лариса Самара: Девочки, мне написали проверить, достаточно ли у меня вентиляции в месте силы. В месте силы!!! Это поляна в лесу!!!»

«Гульнара Димитровград: Мне — что журнал клиентов надо вести в электронном виде. В установленной форме. Форма прилагается. Сорок две графы».

«Оксана Жигулёвск: а мне ничего не пришло (три рыдающих смайлика) я что не ведьма??»

«Валентина Петровна Хвалынский: Оксана, у тебя нет своего узла, тебе и не придёт. Радуйся».

«Оксана Жигулёвск: а, ну тогда ура (хлопушка)»

«Нина Ивановна Октябрьск: Васенька, а у тебя что написано? Ты чего молчишь?»

Василиса сфотографировала письмо и выложила в чат.

Чат замолчал. На целых четыре минуты. Для чата, в котором сто сорок восемь участниц и одна Оксана из Жигулёвска, это было больше, чем вечность.

Потом пришло сообщение от Риммы Гареевны.

«Римма Гареевна (админ): Круглова. Это не ревизия. Это изъятие. Позвоню через час».

Римма Гареевна позвонила через пятьдесят восемь минут. Без видео — только голос. Голос был усталый и непривычно тихий.

— Вольская, — сказала она. — Инесса Вольская. Я её знаю. Она лет пятнадцать назад приезжала в Тольятти. Тогда у нас был свой узел. Маленький, заводской, ещё с семидесятых — когда ВАЗ строили, его завязали, чтобы конвейер не стоял. Она приехала на месяц. Посчитала. Написала отчёт. «Узел нерентабелен. Рекомендуются интеграция в Федеральный узел». И увезла.

— Куда?

— В Москву. В Федеральный узел. Они там с девяностых его строят. Единый. Чтобы вся удача страны стекалась в одно место — и оттуда распределялась. «По потребностям». — Римма Гареевна горько хмыкнула. — Знаете, Круглова, как распределялась? В Москве в нулевые строили, как сумасшедшие. А у нас на ВАЗе — первые массовые сокращения. Совпадение, конечно.

— А вы не протестовали?

— Протестовала. Писала в Собрание. Мне ответили через полгода. Письмом. «Ваше обращение рассмотрено. Нарушений не выявлено». — Римма Гареевна помолчала. — Сызранский узел самый старый в Поволжье, Круглова. Ему триста сорок лет. Таких в России — штук десять осталось. Остальные они уже забрали. Ваш — самый большой из оставшихся. Агафья его в семьдесят шестом отстояла. А теперь Агафьи нет. Есть вы.

— Мне все это говорят, — сказала Василиса. — «Агафьи нет, есть вы». Мне от этого не легче.

— Я знаю, — неожиданно мягко сказала Римма Гареевна. — Мне тоже было не легче. Когда мой узел увезли.

Помолчали.

— Что мне делать? — спросила Василиса.

— Принять ревизора, — сказала председатель. — Вежливо. Показать всё, что попросит. Не грубить. Не колдовать на неё — она это почувствует, и это будет нарушение Регламента. И искать. Из всех сил искать, на чём её можно поймать. У каждого ревизора есть слабое место, Круглова. В Москве не бывает чистых. Там все кому-то что-то должны.

— А если не найду?

— Тогда двадцать первого декабря, в ночь зимнего солнцестояния, когда узлы можно переносить, она его заберёт. И Сызрань станет такой, какой её хотела сделать Ангела. Только медленнее. И законно.

Римма Гареевна отключилась.

Василиса сидела на кухне и смотрела на кремовый конверт с совой.

— «Показала им Волгу», — пробормотала она. — Модест, что бабушка могла им показать?

Модест не ответил. Он сидел на подоконнике и смотрел в окно, туда, где за крышами, за Сызранкой, за огнями НПЗ лежала Волга — серая, холодная, ноябрьская, уже готовая застыть.

— Не знаю, — сказал он. — Но, похоже, придётся узнать.

Глава 2. Ревизор

Ревизор приехала двадцатого ноября, в воскресенье, в три часа дня, на такси из аэропорта Курумоч.

Это само по себе было событием. От Курумоча до Сызрани — сто тридцать километров, и такси стоит как половина месячной пенсии. Но, видимо, Москва могла себе позволить.

Такси — чёрный «Мерседес» с самарскими номерами — остановилось у дома тринадцать. Водитель вышел, открыл багажник и начал выгружать чемоданы. Чемоданов было четыре. Белые, на колёсиках, с золотыми застёжками. Водитель поставил их прямо в ноябрьскую слякоть Верхне-Кирпичной, и колёсики немедленно утонули по самые оси.

Потом открылась задняя дверь, и вышла она.

Инесса Аркадьевна Вольская была женщиной того возраста, который в Москве называют «за сорок», а в Сызрани — «хорошо сохранилась». Высокая, тонкая, с идеальной стрижкой каре цвета «холодный платиновый блонд». В белой шубе в пол — не меховой, как с удивлением отметила Василиса, а из чего-то искусственного, гладкого и ужасно дорогого на вид. В белых сапогах на шпильке, которые немедленно погрузились в грязь. С белой кожаной сумкой. С белыми ногтями. На лице — выражение, с каким человек смотрит на документ, в котором нашёл опечатку.

Инесса Аркадьевна посмотрела на свои сапоги. На грязь. На покосившиеся заборы Верхне-Кирпичной. На дом тринадцать с его резными наличниками. На синюю эмалированную табличку «Объект культурного наследия». На Василису, которая стояла на крыльце в бабушкином пуховом платке и валенках.

— Круглова? — спросила она.

— Я, — сказала Василиса. — Здравствуйте. Добро пожаловать в Сызрань.

— Спасибо, — сказала Инесса Аркадьевна тоном, которым говорят «увидимся в суде». — Помогите мне с чемоданами. И уберите, пожалуйста, вот это.

Она указала на Модеста. Модест сидел на крыльце рядом с Василисой. Огромный, чёрный, с белой манишкой. И смотрел на ревизора.

— Это мой фамилляр, — сказала Василиса.

— Я знаю, что это фамилляр, — холодно ответила Инесса Аркадьевна. — Модест. Двести семнадцать лет. В реестре числится как «кот обыкновенный, чёрный, с особыми приметами». Он мешает пройти.

Модест не шевельнулся. Только сузил глаза.

Тогда из белой сумки Инессы Аркадьевны высунулась голова.

Голова была лысая. Совершенно лысая, серо-розовая, морщинистая, с огромными ушами, как у летучей мыши, и огромными же, светло-голубыми, слегка навывкате глазами. Голова принадлежала кошке. Точнее, коту. Сфинксу. На нём был надет крохотный кашемировый свитер цвета «пыльная роза».

Сфинкс посмотрел на Модеста. Модест посмотрел на сфинкса.

Наступила тишина, какая бывает перед грозой, или в вестернах, когда два ковбоя стоят друг напротив друга на пыльной улице и держат руки над кобурой.

— Луи, — представила Инесса Аркадьевна. — Мой фамилляр.

— Bonjour, — сказал сфинкс. Голос у него был тонкий, капризный, с отчётливым грассированием. — Mon Dieu. Какая грязь. Какой холод. Какой... — он сморщил и без того морщинистый нос, глядя на Модеста, — ...провинциальный экземпляр.

— Это я-то провинциальный? — тихо, почти ласково сказал Модест. — Голый, лысый, в бабской кофте. Ты, мил-друг, из какой провинции будешь? Из Бирюлёва?

— Я из питомника «Шато де Люкс» в Подмоскowie! — возмутился Луи. — У меня родословная до шестого колена!

— А у меня до двести семнадцатого года, — сказал Модест. — Своего. Шерсть-то тебе где отрезали? Или ты её проиграл?

— Луи, — резко сказала Инесса Аркадьевна. — В сумку.

Сфинкс, бросив на Модеста взгляд, полный оскорблённого достоинства, исчез.

— Модест, — тихо сказала Василиса.

— Он первый начал, — сказал Модест, не скрывая удовольствия. — «Провинциальный экземпляр». Слышала?

Из такси, наконец, выбрался ещё один пассажир. Василиса его сначала не заметила — он сидел на переднем сиденье и, видимо, ждал, пока выйдет начальство.

Это был молодой человек лет двадцати пяти, худой, сутулый, кудрявый, в очках в тонкой оправе. В пуховике цвета «хаки» и с огромным рюкзаком, из которого торчали провода, антенна и что-то похожее на ноутбук. В руках он держал планшет и смотрел в него с выражением человека, который очень хочет быть в другом месте.

— Лыков, — представила его Инесса Аркадьевна, не оборачиваясь. — Артём. Мой ассистент. Технический специалист.

— Здравствуйте, — сказал Артём, не отрываясь от планшета. — У вас тут связь плохая. Одна палка. И та мигает.

— У нас тут связь хорошая, — сказала Василиса. — Просто дом старый. Стены толстые.

— Нет, — сказал Артём и наконец посмотрел на неё. Глаза у него за очками были карие, растерянные и неожиданно добрые. — Не в стенах дело. У вас тут фон. Магический. Очень сильный. У меня датчик зашкаливает. — Он повернул к ней планшет. На экране мигала красная надпись «ПРЕВЫШЕНИЕ ДОПУСТИМОГО УРОВНЯ». — Это узел. Он такой... — Артём поискал слово. — Тёплый.

— Артём, — сказала Инесса Аркадьевна. — Чемоданы.

Василиса выделила ревизору бабушкину комнату. Сама перебралась на диван в большой комнате. Сделать это было больно — бабушкина комната с кружевными занавесками, с кроватью под горой подушек, с иконкой в углу и фотографией деда на комод была последним местом, где Василиса до сих пор чувствовала бабушку. Но Регламент требовал «условий для проживания», а других комнат не было.

Инесса Аркадьевна вошла, огляделась, поморщилась.

— Это всё? — спросила она.

— Это всё.

— Здесь нет розеток. Одна. За шкафом.

— Дом девятнадцатого века.

— Здесь пахнет.

— Травками.

— Плесенью, — поправила Инесса Аркадьевна. И поставила на комод рядом с фотографией деда маленький белый очиститель воздуха.

Артёма поселили на веранде — летней, неотапливаемой, куда Фрол Евсевич немедленно, без всяких просьб, притащил старый масляный обогреватель, два ватных одеяла и банку малинового варенья. Артём увидел варенье, растерянно посмотрел по сторонам и сказал в пустоту: «Спасибо». Из-за печки слышалось довольное кряхтение.

— Вы... его видите? — спросила Василиса.

— Кого? — не понял Артём.

— Ну, того, кто варенье принёс.

— А. — Артём покраснел. — Нет. Я не вижу. Я вообще... — он понизил голос, оглядываясь на дверь бабушкиной комнаты. — Я не очень ведьмак. Если честно. Я в нитках почти

ничего не вижу. Так, пятна. Я по технической части. Датчики, мониторинг, базы данных. Меня взяли, потому что я программист, а у них в Собрании никто в компьютерах не понимает. Им сто лет в обед.

— А откуда вы?

— Из Подольска, — сказал Артём. И вздохнул. — Не говорите Инессе Аркадьевне, что я вам сказал. Она считает, что Подольск — это позор.

Ужин прошёл в атмосфере, которую Фрол Евсеич потом назвал «как на поминках у прокурора».

Василиса сварила щи — постные, с грибами, с бабушкиной квашеной капустой — и испекла пирог с яблоками. Поставила на стол сметану, хлеб, солёные огурцы, Зинаидино лечо и аджику старушки с Затонной.

Инесса Аркадьевна посмотрела на стол.

— Я не ем после шести, — сказала она. — И не ем глютен. И молочное. И квашеное — это брожение, это токсины.

— А что вы едите?

— Я привезла с собой. — Инесса Аркадьевна достала из одного из чемоданов пластиковый контейнер с чем-то зелёным и сухим. — Микрозелень. Чиа. Протеиновый батончик.

Артём посмотрел на щи. Потом на микрозелень. Потом на начальницу. Потом снова на щи. В глазах у него было такое отчаяние, что Василиса молча налила ему полную тарелку.

— Лыков, — сказала Инесса Аркадьевна.

— Я... я только попробую, — пробормотал Артём. — Для изучения. Местной культуры.

Он съел три тарелки. И полпирога. И полбанки огурцов. Фрол Евсеич за печкой растрогался так, что чихнул.

Луи вылез из сумки, понюхал воздух, увидел на столе сметану — и замер. В его огромных голубых глазах отразилась внутренняя борьба. С одной стороны — он был сфинкс из питомника «Шато де Люкс», с родословной до шестого колена, и ел только гипоаллергенный корм премиум-класса по семь тысяч рублей за килограмм. С другой стороны — это была сметана. Настоящая. «Сызранская». Тридцать процентов, потому что сегодня было воскресенье.

Модест, который ел свою порцию на полу у печки, медленно поднял голову и посмотрел на сфинкса. Потом — на свою миску. Потом снова на сфинкса.

И отодвинулся. На полшага. Оставив место у миски.

Луи посмотрел на Модеста с подозрением.

— Это ловушка? — спросил он.

— Это сметана, — сказал Модест. — Ешь, пока я добрый. Ты ж лысый, тебе жир нужен. Зима скоро.

Луи колебался ещё секунду. Потом прыгнул со стула, подошёл к миске — осторожно, на цыпочках, как балерина, — и лизнул.

Глаза у него закатились.

— Mon Dieu, — прошептал он. — Mon Dieu, mon Dieu...

— Сызранская, — сказал Модест с законной гордостью. — Тридцать процентов. Ешь, Бирюлёво.

— Я из Шато де Люкс, — пробормотал Луи с полным ртом сметаны. Но больше не спорил.

Инесса Аркадьевна смотрела на это, поджав губы. И ничего не сказала.

Ночью Василиса долго не могла уснуть на диване. Слушала, как в бабушкиной комнате тихо гудит очиститель воздуха. Как на веранде Артём ворочается под ватными одеялами и бормочет во сне что-то про базы данных. Как Фрол Евсеич шуршит за печкой. Как Модест сопит у неё в ногах.

И вдруг ей показалось — или не показалось? — что из бабушкиной комнаты, сквозь гудение очистителя, доносится звук. Тихий, сдавленный. Очень похожий на плач.

Она приподнялась. Звук пропал.

— Модест, — шёпотом сказала она. — Ты слышал?

— Слышал, — так же шёпотом ответил кот. — Спи. Утром посмотрим.

Глава 3. Аудит

Утром Инесса Аркадьевна вышла к завтраку в восемь ноль-ноль, свежая, с идеальным каре, в белом брючном костюме и белых тапочках (свои, привезённые). Никаких следов слёз. Василиса решила, что ей показалось.

— Начнём, — сказала ревизор, отодвигая предложенную тарелку с сырниками. — Лыков, протокол.

Артём, торопливо дожёвывая сырник (он съел уже пять), открыл ноутбук.

— Первое, — продиктовала Инесса Аркадьевна. — Учётная документация. Покажите мне ваш реестр клиентов.

Василиса принесла Гроссбух.

Инесса Аркадьевна посмотрела на толстую амбарную книгу в коленкоровом переплёте, распухшую от вклеек, записок, засушенных цветов и трамвайного билета восемьдесят седьмого года. На надпись шариковой ручкой «ГРОССБУХ. КЛИЕНТЫ. ДОЛГИ. ПРИХОД-РАСХОД». На жирное пятно на обложке (от пирога, тысяча девятьсот девяносто девятый год, как сообщил потом Фрол Евсеич).

Лицо у ревизора стало таким, будто ей показали дохлую крысу.

— Это... реестр?

— Это реестр, — твёрдо сказала Василиса.

Инесса Аркадьевна двумя пальцами открыла Гроссбух. Пролистала. Остановилась на случайной странице.

— «Петрухин Валерий, ул. Затонная, 4, — прочитала она вслух. — Жена ушла к прапорщику. Вернул. Не жену, а совесть — ему. Жена потом сама вернулась. Оплата: забор поправил, кривовато». — Она подняла глаза. — Что это?

— Запись.

— Это не запись. Это... это... — Ревизор не нашла слов и перевернула страницу. — «Котёнок у Мироновых застрял в трубе. Достала. Оплата: Мироновы котёнка отдали Нюре, у Нюры мыши». Какое это имеет отношение к узлу?

— Самое прямое, — сказал Модест с печки. — Котёнок вырос, мышей переловил, Нюра была счастлива, Нюра потом Анжелку на работу взяла. Всё связано, ваше благородие.

— Я не с вами разговариваю, — отрезала Инесса Аркадьевна, не глядя на кота.

— Зря, — сказал Модест. — Я тут единственный, кто всё помнит.

Ревизор листала дальше. Лицо её становилось всё блее. Наконец она закрыла Гроссбух — аккуратно, как закрывают ящик с ядовитыми змеями.

— Лыков, записывай, — сказала она. — Пункт первый. Учётная документация ведётся с грубейшими нарушениями Регламента. Отсутствует электронная форма. Отсутствует установленная форма записи — сорок две графы. Отсутствует классификация услуг по каталогу Собрания. Отсутствует... — она брезгливо покосилась на Гроссбух, — ...отсутствует денежная оплата услуг. Вместо неё фиксируется натуральный обмен. Огурцы. Заборы. Котята.

— Котята — это не оплата, — возразила Василиса. — Это... благодарность.

— Благодарность, — медленно повторила Инесса Аркадьевна, — не является учётной единицей. Её нельзя посчитать. Её нельзя запланировать. Её нельзя перераспределить. Значит, её нет.

— Она есть. Она держит узел.

— Докажите.

Василиса открыла рот — и закрыла. Как это доказать? Как показать человеку, который смотрит на тебя глазами налоговой инспекции, что банка лечо Зинаиды Павловны весит больше, чем сто тысяч Пыжикова?

— Лыков, второй пункт, — продолжила ревизор, не дожидаясь ответа. — Покажите мне узел.

Василиса отвела её к печке.

Инесса Аркадьевна встала перед печкой — белой, в трещинках, огромной, — и закрыла глаза. Василиса почувствовала, как в комнате что-то сдвинулось. Ревизор смотрела. Смотрела так, как не смотрела даже Римма Гареевна — глубоко, профессионально, холодно. Как рентген.

Минута. Две.

Потом Инесса Аркадьевна открыла глаза. И на мгновение — на одно короткое мгновение — на её идеальном лице мелькнуло что-то. Изумление? Страх? Тоска? Василиса не успела понять.

— Лыков, — сказала ревизор ровным голосом. — Записывай. Узел регистрационный номер ноль сто восемьдесят три. Возраст — около трёхсот сорока лет. Мощность — высокая. — Она помолчала. — Очень высокая. Структура — нестандартная. Распределённая. Не соответствует ни одной из типовых схем Регламента. Источник питания... — Она запнулась. — Источник питания не определён.

— Как не определён? — тихо спросил Артём. — У меня на датчике вон какой фон.

— Не определён, Лыков. Узел черпает силу не из места силы, не из ведьмы и не из кровной линии. Он черпает её... — Инесса Аркадьевна посмотрела на Гроссбух на столе и не договорила. — Записывай: «не определён».

— Из людей, — сказала Василиса. — Он черпает её из людей. Из тех, кто сюда приходил. Из благодарности. Вы же видели.

Инесса Аркадьевна повернулась к ней.

— Круглова, — сказала она очень спокойно. — Я двадцать лет работаю в Департаменте. Я проверила сто сорок шесть узлов. Я знаю, как работают узлы. Узел — это механизм. Его можно измерить, оценить, оптимизировать и перенести. Всё, что нельзя измерить, — это поэзия. Поэзия не входит в мои полномочия.

И ушла в бабушкину комнату. Дверь закрылась. Загудел очиститель воздуха.

Артём посмотрел на Василису поверх ноутбука.

— Она врёт, — сказал он шёпотом.

— Что?

— Она врёт, — повторил Артём ещё тише. — Я с ней три года работаю. Когда она что-то видит, а записывать не хочет, у неё вот тут, — он показал на висок, — жилка дёргается. Сейчас дёргалась. Она увидела. Что-то она там увидела.

— Что?

— Не знаю. — Артём снял очки и протёр их краем свитера. — Но знаете, что странно? Она за три года ни разу не записала «не определён». Ни разу. У неё на всё есть графа.

С того дня ревизия пошла полным ходом.

Инесса Аркадьевна проверяла всё. Она измеряла линейкой расстояние от печки до стен. Брала пробы воды из колонки и пробы земли из-под крыльца. Пересчитывала банки на полке. Каждую. Подписывала на каждой маркером инвентарный номер, пока Фрол Евсеич не начал по ночам эти номера стирать. Она требовала у Василисы справки, которых не существовало: «Акт о передаче узла от предыдущей хранильницы», «Свидетельство о прохождении обучения», «Санитарно-эпидемиологическое заключение на банку „Совсем не трогать"».

Василиса сначала пыталась объяснять, потом спорить, потом просто молча кивала, как когда-то на совещаниях у Вадима Сергеевича. Помогало плохо.

Но хуже всего было с клиентами.

Клиенты продолжали приходить. Каждый день. И Инесса Аркадьевна, к их ужасу, на каждом сеансе присутствовала. Сидела в углу, на стуле, в белом костюме, с белым блокнотом,

и записывала. Всё. «Время начала сеанса». «Время окончания». «Вид услуги по каталогу». «Стоимость». «Эффективность в процентах».

Первой не выдержала Зинаида Павловна.

Она пришла в среду с банкой огурцов — «просто так, по-соседски» — и с маленькой просьбой: у Геннадия Петровича разболелось колено, не могла бы Василиса «пошептать». Василиса пошептала. Колено Геннадия Петровича, судя по нитке, было в порядке; дело было в том, что он скучал по полётам, и тоска эта, как часто бывает у мужчин, ушла не в сердце, а в колено. Василиса подтянула к его нитке парочку воспоминаний — курсанты, небо над Волгой, рёв винтов — и колено, будем надеяться, должно было пройти к вечеру.

— Вид услуги? — спросила Инесса Аркадьевна из угла.

— Что? — растерялась Василиса.

— Вид услуги по каталогу. Лечение суставов? Снятие сглаза? Психологическая коррекция? Категория?

— Это... это просто колено.

— Значит, лечение суставов. Пункт четырнадцать-бэ. Стоимость?

— Нет никакой стоимости. Зинаида Павловна огурцы принесла. По-соседски.

— Натуральный обмен, — сказала Инесса Аркадьевна, записывая. — Опять.

Зинаида Павловна медленно повернулась на стуле.

Василиса, которая успела немного узнать бывшую завуч школы номер десять, почувствовала, как у неё холодеет спина. Так, наверное, чувствовали себя восьмиклассники, когда Зинаида Павловна медленно поворачивалась к ним от доски.

— Простите, — сказала Зинаида Павловна ледяным голосом. — А вы, собственно, кто?

— Ревизор Центрального собрания, — не поднимая глаз, ответила Инесса Аркадьевна.

— Я спрашиваю — вы кто? — повторила Зинаида Павловна. — По жизни. По-человечески. У вас имя есть? Мама у вас есть? Вы откуда?

Инесса Аркадьевна подняла глаза. Впервые на её лице появилось что-то похожее на замешательство.

— Это не относится к делу.

— Ещё как относится, — сказала Зинаида Павловна и поднялась. Она была ниже ревизора на голову, но в этот момент казалась выше. — Я тридцать лет в школе проработала. Я таких, как вы, видала. С проверками из гороно. Приезжали, сидели на уроках, записывали в блокнотики. «Время начала урока. Время окончания. Эффективность в процентах». А потом писали отчёты, что у нас дети плохо учатся. А то, что у Петровой мать пьёт, а у Сидорова отец сидит, и что Сидоров после моих уроков первый раз в жизни на вопрос ответил — это в блокнотик не помещалось. Не было для этого графы.

Инесса Аркадьевна молчала.

— Вы думаете, — продолжала Зинаида Павловна, — что Агафья Семёновна огурцы брала, потому что денег не умела считать? Она лучше вас считала. Она весь город наизусть знала. Кто кому сват, кто кому должен, кто с кем в ссоре. И огурцы брала, потому что огурец — это человек. Я эти огурцы сама сажала, сама поливала, сама солила. С укропом со своей грядки, с хреном, со смородиновым листом. Это я. Понимаете? Я в этой банке. — Она ткнула пальцем в банку на столе. — А в ваших деньгах кто? Никого.

Она надела пальто. Застегнула все пуговицы. Повязала платок.

— Василиса, спасибо за колено, — сказала она уже совсем другим, тёплым голосом. — Огурцы — тебе. А вам, — она повернулась к ревизору, — я бы двойку поставила. За невнимательность.

И вышла.

Калитка за ней издала такой торжествующий скрип, что с соседской яблони слетели две вороны.

Инеcса Аркадьевна долго сидела неподвижно. Потом закрыла блокнот, встала и ушла к себе. Очиститель воздуха загудел.

— Ничего себе, — сказал Артём, который весь разговор просидел на веранде с открытым ртом. — Это кто?

— Соседка, — сказала Василиса. — Бывший завуч.

— Можно я её буду бояться? — спросил Артём.

— Нужно, — сказал Модест.

А вечером Василиса снова услышала. Из-за двери бабушкиной комнаты, сквозь гудение очистителя. Тихий, сдавленный звук.

На этот раз ей точно не показалось.

Луи, который теперь ночевал не в сумке у хозяйки, а на печке, привалившись лысым боком к тёплому Модесту (Модест делал вид, что не замечает), поднял голову и прислушался. Огромные уши повернулись к двери.

— Elle pleure, — тихо сказал сфинкс. — Она плачет. Опять.

— Опять? — переспросила Василиса.

Луи посмотрел на неё огромными голубыми глазами. В них больше не было капризности. Было что-то другое. Старое, усталое, кошачье.

— Каждую ночь, — сказал он. — Уже три года. Я её фамилльяр. Я знаю.

И отвернулся, уткнувшись носом в чёрную шерсть Модеста.

Глава 4. Порча честностью

Эдуард Кириллович Пыжиков пришёл в четверг, в семь утра, когда было ещё темно, и постучал в окно так тихо и робко, что Василиса сперва решила, будто это ветка яблони.

Она открыла дверь — и не узнала его.

От розового, круглого, лоснящегося заместителя главы по ЖКХ не осталось почти ничего. Перед ней стоял похудевший, осунувшийся мужчина в старом пуховике, вязаной шапке и стоптанных ботинках. Лицо серое, щёки обвисли. Зачёс, лишённый ежедневной укладки, сдался и лежал на лысине жалкой мокрой прядью. Ни «Ленд Крузера», ни кожаной папки. Только полиэтиленовый пакет в руке.

— Здравствуйте, Василиса Андреевна, — сказал он. — Я принёс огурцы. Мне сказали, вы берёте огурцами. Я купил в «Пятёрочке». Своих у меня нет. Я ничего никогда не солил. Мне стыдно, что я купил в «Пятёрочке».

Василиса смотрела на него, не зная, что сказать.

— Можно войти? — спросил Пыжиков. — Мне холодно. У меня нет нормальной куртки. Жена забрала все мои вещи, когда уходила, и продала на «Авито». Я не обижаюсь. Я бы на её месте тоже продал.

— Входите, — сказала Василиса.

Он вошёл, сел на краешек лавки, сложил руки на коленях. Модест на печке открыл один глаз, посмотрел на гостя и, к удивлению Василисы, не зашипел. Луи рядом с ним высунул лысую голову из-под чёрного бока, принялся и спрятался обратно.

— Чаю? — спросила Василиса.

— Да, пожалуйста. Я очень хочу чаю. Я уже два дня ничего горячего не ел, потому что у меня в квартире отключили газ за неуплату, а электрическую плитку я продал, потому что мне нужно было заплатить адвокату, а адвокат всё равно от меня отказался. — Пыжиков сглотнул. — Простите. Я не хотел всё это говорить. Оно само.

— Я знаю, — тихо сказала Василиса.

Она поставила перед ним чашку чая с чабрецом и тарелку с пирогом. Пыжиков ел жадно, торопливо, обжигаясь, и всё время извинялся. Из бабушкиной комнаты вышла Инесса Аркадьевна — в белом, с блокнотом — и остановилась в дверях, глядя на бывшего чиновника с выражением человека, увидевшего в стерильной операционной таракана.

— Это кто? — спросила она.

— Клиент, — сказала Василиса.

— Я Пыжиков, — сказал Пыжиков, повернувшись к ревизору. — Бывший заместитель главы городского округа. Сейчас под следствием. Я украл сто восемьдесят семь миллионов рублей с ремонта набережной. И ещё много чего. Вы очень красивая, но у вас очень злое лицо. Простите. Я не хотел этого говорить.

Инесса Аркадьевна застыла в дверях.

— Он не может врать, — объяснила Василиса. — Совсем. Это бабушкина работа. «Порча честностью».

Лицо ревизора медленно изменилось. Она подошла ближе, вгляделась в Пыжикова тем же профессиональным рентгеновским взглядом, каким смотрела на печку.

— Капельная правда, — пробормотала она. — Десятилетняя. Накопительная. С отложенным срабатыванием. — Она подняла глаза на Василису. — Это же... это запрещённая техника. Её в Регламенте нет. Её в Регламенте нет, потому что её никто не умеет делать. Последний раз её применяли в восемнадцатом веке, на губернаторе Казани.

— Бабушка умела, — пожала плечами Василиса.

Инесса Аркадьевна ничего не ответила. Только записала что-то в блокнот. Долго. Мелко.

Пыжиков допил чай. Поставил чашку. Посмотрел на Василису — и вдруг его подбородок задрожал.

— Василиса Андреевна, — сказал он. — Снимите с меня это. Пожалуйста. Я больше не могу.

И рассказал.

Рассказывал он долго, путано, перескакивая с одного на другое, — и совершенно, абсолютно честно. Как после фестиваля пришёл домой, и жена спросила: «Эдик, это правда, что про тебя говорят?» И он сказал: «Правда». И ещё сказал, что изменял ей трижды. С секретаршей, с сотрудницей налоговой и с риелторшей из Октябрьска. И что не любит её борщ. Никогда не любил. Двадцать восемь лет ел и не любил. И что её мама — невыносимая женщина. Он не хотел этого говорить. Оно само.

Жена ушла в тот же вечер. Забрала всё, включая кота, которого Пыжиков, как выяснилось, тоже не любил — он вообще котов боялся с детства.

Как на первом допросе следователь спросил: «Вы признаёте свою вину?» — и Пыжиков говорил четыре часа. Следователь исписал шесть протоколов и попросил перерыв, потому что у него кончилась паста в ручке.

Как дочь, которая живёт в Самаре, позвонила и спросила: «Пап, ты как?» И он ответил: «Плохо. Я тебя никогда особо не любил. Я больше любил сына. Но сын со мной не разговаривает, а ты позвонила. Я теперь не знаю, кого я люблю». Дочь бросила трубку и не звонила две недели.

Как он пошёл в магазин, и продавщица спросила: «Пакет нужен?» А он сказал: «Нужен. А ещё у вас тушь размазалась, и это некрасиво». Продавщица заплакала. Его выгнали из магазина.

Как он пошёл в церковь — впервые в жизни, — и батюшка спросил его на исповеди: «В чём каешься, раб Божий?» И Пыжиков каялся три часа. Батюшка в какой-то момент сел на стул, потом попросил воды, потом сказал: «Сын мой, хватит. Господь уже понял».

— Я не могу жить, — закончил Пыжиков. — Я не могу ни с кем разговаривать. Каждое слово — правда. Всё, что я думаю. Всё, что чувствую. Вы понимаете, каково это? Никто не может так жить. Люди не могут так жить. Мы все врём. Каждый день. Маленько. Чтобы не обидеть. Чтобы не поругаться. «Как дела?» — «Нормально». А у меня не нормально. И я не могу сказать «нормально». Я сказал вчера соседке, которая спросила «как дела», что я думаю о самоубийстве. Она вызвала скорую. Скорая приехала, спросила, думаю ли я о самоубийстве. Я сказал — думаю, но не буду, потому что трус. Они уехали. — Он вытер глаза рукавом пуховика. — Снимите. Пожалуйста. Я заплачу. У меня ничего нет, но я... я отработаю. Забор поправлю. Я не умею заборы, но научусь.

Василиса молчала.

Она посмотрела на его нитки. Их стало гораздо меньше, чем тогда, в августе. Серые, липкие, скользкие связи с откатами, с конвертами, с подписями — почти все оборвались. Остались немногие. Тонкая, серая — к жене. Совсем тоненькая, но живая, тёплая — к дочери в Самаре. Ещё одна — к сыну, натянутая, звенящая от обиды. И одна, очень слабая, бледная — к самому себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.